

ПРИМЕЧАНИЯ

* Сайт <http://wiki.aconflict.ru/> является частью образовательного ресурса <http://aconflict.ru/>, созданного разработчиками единой теории конфликта проф. В. А. Светловым и проф. В. А. Семеновым.

** Отчеты International Crisis Group по Республике Косово доступны на сайте по адресу <http://www.crisisgroup.org>

*** Более подробно о количественном измерении конфликтов, связанных с проблемой непризнанных государств в международных отношениях: *Невзоров М.* Оценка стабильности государства и неправительственных объединений в международных и внутренних конфликтах // Политические институты в современном мире. Материалы Всероссийской научн. конф. с междунар. участием. СПб.: ООО «Аллегор», 2010. С. 260–262.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Светлов В. А.* Аналитика конфликта. СПб.: ООО «Росток», 2001. 512 с.
2. *Светлов В. А.* Введение в единую теорию анализа и разрешения конфликтов: Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 304 с.
3. *Светлов В. А., Семенов В. А.* Конфликтология: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2011. 352 с.
4. *Howard N.* Confrontation analysis: how to win operations other than war / Nigel Howard. Washington, DC: CCRP Department of defence. 1999. 302 p.

REFERENCES

1. *Svetlov V. A.* Analitika konflikta. SPb.: ООО «Rostok», 2001. 512 s.
2. *Svetlov V. A.* Vvedenie v edinuju teoriju analiza i razreshenija konfliktov: Uchebnoe posobie. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 304 s.
3. *Svetlov V. A., Semenov V. A.* Konfliktologija: Uchebnoe posobie. SPb.: Piter, 2011. 352 s.
4. *Howard N.* Confrontation analysis: how to win operations other than war // Nigel Howard. Washington, DC: CCRP Department of defence. 1999. 302 p.

Э. С. Токтосунова

Победитель конкурса поддержки публикационной активности молодых исследователей (проект 3.1.2, ПСР РГПУ им. А. И. Герцена)

ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КЫРГЫЗСТАНЕ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Рассматриваются периоды этапов модернизации политических процессов в современном Кыргызстане и факторы влияния их на динамику развития государства. После дезинтеграции Советского Союза в 1991 году для Кыргызстана наступил период резких трансформационных процессов политических и экономических систем Кыргызстана под влиянием внешних центров силы и внутреннего нациестроительства. Транзитный период в Кыргызской Республике ведет свой отсчет с возрождения национальной государственности, которое продолжается по настоящее время.

Ключевые слова: трансформация, модернизация, динамика развития, современный Кыргызстан, политические процессы, кризис, Конституция.

E. S. Toktosunova

The Dynamics of Political Processes in Kyrgyzstan in Conditions of Systemic Transformation

The article discusses the dynamics of the political process, the stages of modernization, and the main periods and factors of influence on the transformation in modern Kyrgyzstan. After the disintegration of the Soviet Union in 1991 a rapid transformation processes of political and economic systems started in Kyrgyzstan under the influence of external power centers and internal nationconstruction. The transit time in the Kyrgyz Republic took its origin with the re-starting of the national state and the process has been going on up to the present time.

Keywords: transformation, modernization, development dynamics, modern Kyrgyzstan, political process, crisis, Constitution.

Кыргызстан расположен в центре Евразии, на стыке пересечений линий международного напряжения. Это государство является одним из новых, постсоветских государств в центрально-азиатском регионе, где находится точка соприкосновения частей евразийского материка, связанных с мировыми проблемами (исланизм, наркотрафик, межэтнические конфликты) и экономическими возможностями (наличие энергоресурсов).

После дезинтеграции Советского Союза в 1991 году для Кыргызстана наступил период резких трансформационных процессов политических и экономических систем страны под влиянием внешних центров силы и внутреннего нациестроительства.

К этому времени, необходимо заметить, системная трансформация охватила весь регион социалистического лагеря, потому использование системного подхода представляется одним из актуальных направлений исследования политического процесса.

Интересующей нас в данной статье проблематике «процесса», «политического процесса», «системной трансформации», «политического развития», «модернизации», а также их сущности посвящены многочисленные работы зарубежных, российских и кыргызских авторов.

Как известно, политика — от др.-греч. πολιτική (производное от πόλις — город) в сочетании со словом episteme — знание или techne — искусство означает науку или искусство, помогающие управлять всеми «де-

лами», относящимися к организационному общежитию людей [2, с. 635], процесс — от лат. *prōcēssus* — «продвижение вперед» [2, с. 386]. Отсюда можно сделать вывод, что политический процесс означает управление динамикой развития общества.

Необходимо заметить, что особое значение для характеристики политического процесса имеют изменения типа развития. Для эволюционного развития процессов в переходных обществах, к которым мы можем отнести Кыргызстан, целесообразно применить теорию модернизации, представляющую собой совокупность различных схем и моделей анализа, которые позволяют описывать и раскрывать динамику преодоления отсталости традиционных государств.

Теория модернизации сформировалась в процессе описания политических судеб стран, получивших освобождение от колониальной зависимости в 50–60-х гг. XX столетия [9, с. 297]. Модернизация подразумевалась как вестернизация — копирование западных образцов во всех областях жизни. Для последовательного перехода к состоянию «модерна» необходимо было пройти ряд этапов в форме «догоняющего развития». В 70–80-х гг. переходные процессы стали истолковываться как самостоятельный этап развития для каждой отдельной страны в зависимости от социокультурного фактора — типа личности, национального характера.

В современных условиях развернутую этапизацию переходных преобразований

дали Г. О’Доннел, Ф. Шмиттер и другие ученые, обосновавшие наличие следующих трех этапов:

- этап либерализации — обострение противоречий в авторитарных и тоталитарных режимах;
- этап демократизации — институциональные изменения в сфере власти;
- этап переходных преобразований — консолидация демократии.

В самом начале своего суверенного развития в Кыргызской Республике отсутствовал опыт самостоятельного развития государства в его современном понимании. Были слабы демократические традиции, гражданское общество отличалось незрелостью. Ощущалось влияние советского наследия и сильные традиции авторитарного управления в рамках центрально-азиатской культуры. Поэтому начало транзитного периода в Кыргызской Республике совпало и с возрождением национальной государственности.

В XX веке набирает силу феномен глобализации, произошло обогащение политического анализа геополитическим измерением. Как описано у А. Дугина, появились такие понятия, как «парадигмы пространства» (Суша и Море, Лес и Степь, Пустыня) и «парадигмы времени» (премодерн — модерн — постмодерн) [3, с. 8]. В настоящее время любая общественная система является «трехслойной», где наличествуют все три парадигмы. Рост мировой миграции порождает анклавные традиционные обществ в самых развитых странах и, наоборот, — в самой отсталой стране есть центры компьютерных технологий и терминалы мировых финансовых систем.

В теории «парадигмы пространства» для Кыргызстана подходит геополитика Гор, население которого имеет исторически сложную кочевую общественную формуацию.

По нашему мнению, хронология развития политических процессов в стране может быть разделена на три основных периода трансформации:

I период — время правления президента А. А. Акаева (1991–2005 гг.) — самый сложный и многослойный из трех;

II период — время правления К. Б. (Бакиева) (2005–2010 гг.);

III период — время правления президента Временного правительства Р. О. Отунбаевой, президента А. А. Атамбаева (2010–2013 гг.).

Первый президент — Аскар Акаев — был избран на Второй сессии Верховного Совета республики в октябре 1990 г. Легитимность президентской власти была подтверждена всенародными выборами президента, состоявшимися в октябре 1991 г. Статус президента, правительства, парламента и судов определила первая Конституция суверенного государства, принятая 5 мая 1993 года. В этом же году Кыргызстан обретает еще один символ государственности — национальную валюту.

Согласно Конституции, власть народа, наряду с Президентом, реализует и парламент — Жогорку Кенеш. До обретения независимости кыргызы не знали парламентаризма в современном его понимании. Вплоть до присоединения к России имели место лишь первичные формы демократии: родовые собрания, советы старейшин, народные курултай (сходки) с преобладающим участием тогдашней элиты — биев и манапов [5].

В этот период для укрепления государственного статуса Кыргызстан ведет активную международную политику: включается в деятельность по созданию Межпарламентской ассамблеи СНГ, становится членом ООН в 1992 г., в 1995 г. присоединяется к Таможенному Союзу, а в 2000 г. подписывает вместе с Россией, Казахстаном и Беларусью Соглашение об образовании ЕврАзЭС — единого экономического пространства [6].

В 1999 году впервые республика столкнулась с необходимостью военной обороны. Противостояние возникло из-за внедрения внесистемных сил — членов радикальных

исламских организаций на территорию нынешней Баткенской области.

В «нулевые годы» усиливается недовольство населения условиями социальной политики, расширяется раскол между Севером и Югом республики, вопреки государственной идеологической программе нарастает противостояние между властью и оппозицией.

В 2002 году возникает Аксыйский кризис, в ходе которого погибают пять человек. В обществе нарастает напряженность, ширится недовольство действующей властью, в адрес которой раздается все больше обвинений. В конечном счете, это приводит в 2005 году к мартовской «тюльпанной» революции. Революция — это один из путей модернизации, особый тип перехода от традиционного общества к современному. Поэтому она невозможна и в очень традиционных, и в наиболее современных обществах. Революции, как отмечает С. Хантингтон, чаще всего происходят в обществах, где уже достигнут определённый уровень социально-экономического развития и где процессы политической модернизации отстают от процессов социально-экономической модернизации. Следовательно, в той мере, в какой социально-экономическая модернизация ускоряется, вероятность революции возрастает [13, с. 269–282].

Во время правления Аскара Акаева первая Конституция Кыргызстана четырежды пересматривалась в пользу усиления полномочий Президента (соответственно — в 1994, 1996, 1998 и 2003 гг.) созданным неконституционным органом «Конституционное совещание», куда в разное время входили такие политики, как Омурбек Текебаев, Данияр Нарымбаев, Мурат Укушев и ряд других. После редакции в 2003 году оппозиция обвинила Акаева в узурпации власти и в неконституционности третьего Президентского срока. В феврале 2005 года состоялись парламентские выборы, в результате фальсификации которых оппозиция не попала в парламент, но в парламент прошла

партия Алга-Кыргызстан («Вперед, Кыргызстан»), в составе которой были родные дети Акаева — Айдар и Бермет.

События в Кыргызстане в марте 2005 г. стали первым случаем смены власти в Центральной Азии с начала 1990-х гг. По аналогии с «революцией роз» в Грузии (ноябрь 2003 г.) и с «оранжевой революцией» на Украине (декабрь 2004 г.) кыргызские события получили название «тюльпановой революции». Роль финансируемых Западом неправительственных организаций и средств массовой информации в кыргызских событиях была, однако, существенно меньшей, чем в других «цветных» революциях [11, с. 69–72].

Падение режима Акаева не привело к разрешению социально-политического кризиса в Кыргызстане, а лишь на короткое время снизило его остроту. Кыргызстан столкнулся с падением темпов экономического роста, с усилением криминализации политики и экономики, с чередой политических убийств и коррупционных скандалов, с попытками штурма недовольными людьми правительственных и административных зданий, незаконным захватом земли. Сформировалась новая оппозиция, требующая проведения конституционной реформы, призванной трансформировать Кыргызстан в парламентскую республику, и отставки тандема Бакиев — Кулов [6].

Два года потрясений и непрекращающейся политической борьбы в Кыргызстане отразились на внешнеполитическом курсе Бишкека, которому стали свойственны непоследовательность и высокая степень конъюнктурности.

Пойдя в апреле 2007 г. на уступки оппозиции и добившись ее фактического раскола, президент Бакиев смог на время укрепить свои властные полномочия. Успехом Бакиева, пусть и символическим, стало проведение в Бишкеке 17 августа 2007 г. встречи в верхах Шанхайской организации сотрудничества. Однако уже в начале осени 2007 г. политическая борьба в Кыргызстане,

подстегнутая резким повышением в стране цен на продукты питания, вновь обострилась.

В этот период Кыргызстан становится наиболее уязвимым для внешнего влияния звеном формирующейся центрально-азиатской подсистемы международных отношений — звеном, слабость которого создает возможности для попыток воздействия как на стабильность региона в целом, так и на внешнюю политику и безопасность соседних с Кыргызстаном стран.

Пришедший на смену Акаеву Курманбек Бакиев также не вернул первую Конституцию, а решил написать новую. В ноябре и декабре 2006 года оппозиционной группой депутатов были подготовлены и приняты два варианта Конституции. Однако 14 сентября 2007 года Конституционный суд Кыргызской Республики отменил действия ноябрьской и декабрьской редакций Конституции. В действие вновь вступила Конституция в редакции от 18 февраля 2003 года. 21 октября 2007 года, согласно Указу Президента Кыргызской Республики, состоялся всенародный референдум, на котором была принята новая редакция Конституции, предложенная Президентом Кыргызской Республики К. Бакиевым, которая и была им же подписана 23 октября 2007 года. Проект новой Конституции готовился Данияром Нарымбаевым. Новый редакционный закон о внесении изменений и дополнений в Конституцию Кыргызстана вступил в юридическую силу на следующий день — 24 октября 2007 года, с момента опубликования в официальном издании страны, газете «Эркин-Тоо».

7 апреля 2010 года в Кыргызстане вновь произошла неконституционная смена власти, в результате которой был образован неконституционный орган под названием «Временное правительство», осуществлявшее полномочия в соответствии с изданным Декретом № 1. Временное правительство вместо возврата к Конституции 1993 года решило предложить собственную конституцию (седьмую по счету), провозгласившую

в Кыргызстане парламентскую форму правления. Референдум по принятию Конституции 2010 года проходил в обстановке непрекращающегося насилия на юге республики, в условиях чрезвычайного положения.

Таким образом, проведенный анализ позволяет определить следующие основные факторы, оказывающие влияние на динамику трансформации в Кыргызстане:

- внешние центры силы — на территории действуют военные структуры двух противоположных блоков: НАТО и ОДКБ;

- международные финансовые институты, например, Всемирный банк;

- клановость политических элит, в свою очередь, обладающих модернизированной культурной социализацией, что увеличивает разрыв между ними и населением страны, обрекая на пассивность процесса принятия политических решений. Нужно добавить, что по обобщенной модели политического процесса в переходных обществах «серьезно ограничивается деятельность любого «чужака», пришедшего извне для исполнения политической роли» [8, с. 66–85];

- межэтнические и территориальные внутригосударственные конфликты, в которых сочетаются два элемента, связанных с идентичностью и распределением [1, с. 5–6] — Ошские события в 1990 и 2010 гг. Осознание цивилизационной идентичности государства — осмысление этнического прошлого кыргызского общества — осуществляется главным образом через мифологические концепты; существует собственный набор важных символов, к которым представители кыргызского этноса апеллируют и с помощью которых воссоздают историю региона. В начале «нулевых» о будущем Кыргызстана заботились только представители кыргызского этноса, так как у всех остальных этносов есть историческая родина, которая может сыграть роль запасного выхода [10, с. 15–16];

- незавершенность государственного строительства, вследствие чего согласно определению Н. Омарова, известного кыргызского

политолога, Кыргызстан, с его внутренними закономерностями, определяющими его развитие, подпадает под определение малого государства мира, обладающего операционным суверенитетом* и находящегося на стадии формирования институтов «современного» государства [7, с. 24]. После разрушения Советского Союза политические элиты государств Центральной Азии в поисках обоснования легитимности своей власти обратились к символическим ресурсам этнического прошлого региона. Могли ли центрально-азиатские республики выбрать какой-то иной способ легитимации, который бы представлял государство скорее как гражданское (плюралистическое) сообщество, нежели этноцентрическое? До сих пор этот вопрос остается открытым;

- изменения и дополнения в Конституцию Кыргызской Республики;

- мартовская «тюльпанная» революция в 2005 году и апрельский переворот в 2010 году.

Очевидно, что общество в Кыргызстане, с точки зрения геополитического подхода, определяемого дуализмом кочевых и оседлых народов, соответственно имеет кочевое развитие. Кочевые народы принципиально по-разному относятся к пространству и поэтому закладывают в свои культурные, религиозные и политические модели противоположные ценностные установки. Потому природа политической системы Кыргызстана, будучи восточного типа, имеет корни

кочевого общественного развития, что существенно отличает ее от оседлых восточных обществ. Но как постсоветское государство Кыргызстан — национальное государство — действует в качестве подчиненного элемента в глобальной организации капиталистического рынка. Эдвард Саид писал о такого типа государстве, получившем «постколониальную независимость», что оно в то же время борется за удержание противоречий между капиталом и народом в вечно подвешенном состоянии [14].

Политическая модернизация в Кыргызстане наталкивается на целый ряд объективных трудностей и противоречий, во многом обусловленных советским прошлым (отсутствие демократических традиций, авторитарное мышление на уровне политических элит), а также сталкивается с негативными явлениями, которые сопровождают модернизационные процессы (коррупция, клановая борьба политических элит, трибализм, слабость государственных институтов). Отсюда — вывод: этапизация переходных преобразований, предложенная Г. О’Доннелом, Ф. Шмиттером, не в полной мере подходит под модель модернизационных процессов в Кыргызстане. Этапы либерализации и демократизации тесно переплетаются с неявными авторитарными режимами правящих элит. Хотя с первых дней независимости Кыргызстан был провозглашен «островком демократии» в Центральной Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Операционный суверенитет представляет собой ограниченный вариант суверенности, выстраиваемый на уступке государством части своего суверенитета в условиях неравномерной глобализации в обмен на право участия в принятии решений другими государствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грибанова Г. И., Сидоренко А. В. Федерализм и разрешение этнополитических конфликтов в современном обществе // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК: Научный журнал. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2007. Т. 3. № 3. С. 5–6.

2. Даниленко В. И. Современный политологический словарь. М.: NOTA BENE, 2000. С. 635.

3. Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй: Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора; ТИД Амфора, 2007. С. 8.

4. Жумалиев К. М., Ожукеева Т. О. XXI век: Институт президентства в Кыргызской Республике, Бишкек, 1998. С. 29.
5. Кельдибеков А. К. 20 лет независимости Кыргызстана: обретаем силу, опыт и мудрость. Изд-во Межпарламентской ассамблеи Евразийского экономического сообщества. СПб., 2011.
6. Международная группа по предотвращению кризисов. Кыргызстан: пошатнувшееся государство. Бишкек; Брюссель, 2005.
7. Омаров Н. М. Внешняя политика Кыргызской Республики в эпоху «стратегической неопределенности». Бишкек: Илим, 2005. С. 241.
8. Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН. С. 66–85.
9. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 297.
10. Токтосунова Э. С. Значение цивилизационной принадлежности в перспективе развития Кыргызстана после событий 24 марта 2005 года // Политика и общество. 2000. № 1–2 (28–29) (Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына). С. 15–16.
11. Троицкий Е. Ф. Современный политический кризис в Кыргызстане и его международные последствия // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2007. № 36.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. С. 386.
13. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
14. Said E. W. Orientalism. New York, 1978.

REFERENCES

1. Gribanova G. I., Sidorenko A. V. Federalizm i razreshenie etnopoliticheskikh konfliktov v sovremennom obshchestve // Politicheskaja ekspertiza: POLITJEKS: Nauchnyj zhurnal. T. 3. № 3. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta, 2007. S. 5–6.
2. Danilenko V. I. Sovremennyy politologicheskij slovar'. M.: NOTA BENE, 2000. S. 635.
3. Dugin A. Geopolitika postmoderna. Vremena novyh imperij: Oчерki geopolitiki XXI veka. SPb.: Amfora; TID Amfora, 2007. S. 8.
4. Zhumaliev K. M., Ozhukeeva T. O. XXI vek: Institut prezidentstva v Kyrgyzskoj Respublike. Bishkek, 1998. S. 29.
5. Kel'dibekov A. K. 20 let nezavisimosti Kyrgyzstana: obretaem silu, opyt i mudrost'. Izdatel'stvo: Mezhparyamentskaja Assambleja Evrazijskogo jekonomicheskogo soobshchestva SPb., 2011.
6. Mezhdunarodnaja gruppya po predotvrashcheniju krizisov. Kyrgyzstan: poshatnuvsheesja gosudarstvo. Bishkek; Brjussel', 2005.
7. Omarov N. M. Vneshnjaja politika Kyrgyzskoj Respubliki v epohu «strategicheskoy neopredelennosti» Bishkek: Ilim, 2005.
8. Paj L. Nezapadnyj politicheskij protsess: Politicheskaja nauka. 2003. № 2. M.: Izd-vo Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam RAN. S. 66–85.
9. Solov'ev A. I. Politologija: Politicheskaja teorija, politicheskie tehnologii: Uchebnik dlja studentov vuzov. M.: Aspekt Press, 2003. S. 297.
10. Toktosunova Je. S. Znachenie civilizacionnoj prinadlezhnosti v perspektive razvitija Kyrgyzstana posle sobytij 24 marta 2005 goda // Politika i obshchestvo. 2000. № 1–2 (28–29) (Kyrgyzskij nacional'nyj universitet im. Zh. Balasagyna).
11. Troitskij E. F. Sovremennyy politicheskij krizis v Kyrgyzstane i ego mezhdunarodnye posledstvija // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. № 36. Tomsk: Izd-vo Natsional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2007.
12. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka: V 4 t. / Per. s nem.. O. N. Trubacheva. 2-e izd., ster. M.: Progress, 1987. T. 3. S. 386.
13. Hantington S. Politicheskij porjadok v menjajushchihsja obshchestvah. M., 2004. S. 268–282.
14. Said E. W. Orientalism. New York, 1978.